

18+ АМИН ЧИПИНКОС

Мерзавец

Амин Чипинкос

Мерзавец

<https://litres.ru/74544144>

ISBN 9785007135696

Аннотация

Это книга о мерзавце, который даже не пытался им стать. Он так и не нашёл себя в этой жизни, хотя до последнего верил в счастливую судьбу и в то добро, которое так и не сумел отыскать в этом коварном, обманчивом мире.

Мерзавец

Амин Чипинкос

© Амин Чипинкос, 2026

ISBN 978-5-0071-3569-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Это было в 2009-м. Я был совсем юн, и наши ночи проходили в бесконечных походах по клубам и барам. Мы постоянно знакомились с новыми людьми, а я в то время жил рэпом: писал треки, слушал их и буквально дышал этой культурой. Мой стиль был под стать увлечениям — широкие штаны, оверсайз-футболки, массивные цепи и кепки. В таком виде я чувствовал себя своим на ночных улицах города.

Раньше я часто бродил по ночному городу в компании таких же фанатов рэпа, как и я. Мы часами обсуждали музыку, историю хип-хопа и наш стиль. Мои друзья любили выпить, но знали только одну меру: если начинали с кружки пива, то не останавливались, пока алкоголь полностью не затуманивал разум.

Я их понимаю — таких людей полмира. Человек по своей

природе существо зажатое, и алкоголь становится для него способом убить эту скромность. То, на что не решишься на трезвую голову, пьяный сделаешь легко. Недаром именно в таком состоянии совершаются «великие подвиги»: от случайных связей в подворотнях и детей, зачатых в беспамятстве, до драк из-за пустяков, рвоты в раковину друга или разбитых об дерево машин. По сути, алкоголь — это просто радикальный способ сбросить оковы собственной застенчивости.

Помимо всех прочих «подвигов», алкоголь дарит человеку ложную храбрость. Трусливый по натуре человек, выпив водки, начинает задираť каждого встречного, кто ему не приглянулся. У меня было немало таких случаев: ко мне часто цеплялись нетрезвые парни, хрупкие, как тростинки, и пытались спровоцировать конфликт из-за моей внешности. Но я никогда не бил тех, кто слабее меня. Я всегда сдерживал гнев, просто соглашался с агрессором и спокойно уходил по своим делам.

Многие могут спросить: «Почему ты не ответил обидчику? Ты же мужчина». Во-первых, человек был пьян, и завтра он даже не вспомнит, что вообще происходило сегодня. Какой смысл вступать в конфликт с тем, кто не контролирует себя?

К тому же, у меня от природы очень тяжелый удар — это закалка еще с 90-х, когда приходилось выживать во дворах. Я знаю, что могу отправить человека в нокаут одним движением. У меня за плечами семь боев по правилам ММА, на которые я выходил исключительно ради того, чтобы прокормить семью. Мне было неважно, кто противник — хоть на 30 килограммов тяжелее. Я выходил, потому что нуждался в деньгах, но никогда не любил драться. Считаю, что насилие — это позор, худшее, что придумало человечество.

А теперь представьте: передо мной пьяный неадекват. Если я ударю, последствия могут быть фатальными — вплоть до реанимации или чего похуже. Мне эти проблемы не нужны, поэтому я просто ухожу от конфликта.

Дело вовсе не в пьяных людях и не в том, сколько они употребляют — это меня не касается. Однако стоит помнить: каждый человек сам себе и друг, и враг. Причиняя вред себе, мы вредим самой природе, ведь человек — это частица космоса. Таково мое личное убеждение.

Что касается нас с друзьями, то, как я уже говорил, мы любили слушать рэп, гулять по городу и заглядывать в столичные бары и клубы. Других развлечений мы тогда не знали. Я был молод и беспечен, но того человека, которого встретил в тот день, я не забуду никогда.

Прогуливаясь по Китай-городу, мы заметили вдали тусклый мерцающий свет и решили подойти ближе. Друзья уже были изрядно пьяны, но я сохранял трезвость рассудка. Оказалось, что свет исходил из рокерского бара. Место, признаться, было не самое опрятное: повсюду валялись бутылки и коробки. Но я понимал: это хардкор. Здесь не учат манерам — за культурой нужно идти в библиотеку, а здесь люди отрываются по-настоящему жестко.

Вход в бар напоминал спуск в подвал. Когда мы оказались внутри, нас оглушил громкий метал. Помещение было забито пьяными людьми: кто-то спал, уткнувшись в деревянный столик, кто-то пытался танцевать. Было около четырех утра, поэтому многие уже начали расходиться по домам.

Мои приятели направились к барной стойке — они хотели выпить и надеялись с кем-нибудь познакомиться. Я же предпочел уединиться и сел за отдельный столик. Через некоторое время я заметил мужчину в черном костюме и шляпе. Он сидел напротив и пронзительно смотрел прямо на меня. Сначала я решил, что он просто перебрал, и не придавал этому значения, продолжая оглядываться по сторонам. Но признаюсь: этот человек мне сразу не понравился — от него веяло чем-то странным и вызывающим.

Мужчина в шляпе не сводил с меня глаз. Спустя какое-то время это начало раздражать, и я решил ответить тем же: уставился на него в упор, не отводя взгляда. Мне всегда было неприятно, когда кто-то так бесцеремонно разглядывает меня.

Вдруг он произнес: — Тебе не нравится, что я смотрю на тебя? — Знаете, да, меня это напрягает, — ответил я. — Я смотрю не просто так, — парировал он. — У тебя удивительный взгляд. — С чего бы это? — удивился я. — Я вижу, — загадочно ответил он и добавил: — Ты единственный здесь, кто может уделить мне внимание напоследок.

У меня промелькнула мысль, что передо мной какой-то душевнобольной, но любопытство взяло верх. — О чем вы? — спросил я. — Не возражаешь, если я присяду рядом? — спросил он. — Если это срочно, то присаживайтесь. — Это очень важно, — тихо сказал он. — Завтра меня уже не будет в этом мире.

Его слова заставили меня насторожиться, но я кивнул: «Хорошо, садитесь. Давайте поговорим.

Я смотрел на тебя не просто так. Я видел, как ты отделился от своей компании, пока они пошли выпивать в бар. У тебя необычный взгляд, сразу видно — человек ты понимающий. Поверь, я разбираюсь в людях лучше, чем ты думаешь.

Мне просто нужен кто-то, кто выслушает меня напоследок, прежде чем завтра меня не станет.

Я ответил: — Послушайте, если вы пьяны, это не дает вам права приставать к первому встречному.

Мужик тут же возразил: — Нет-нет, я не пьян, я абсолютно трезв. Ну, выпил две бутылки пива, но это от досады. Я всё соображаю. И я выбрал именно тебя, чтобы всё рассказать, потому что я очень хорошо чувствую людей.

— Хорошо, — сказал я. — Вижу, что вы в адеквате и не сильно пьяны. Если вам есть что рассказать — начинайте, я слушаю.

Мужик подался вперед: — Только пообещай: если подойдут твои знакомые или кто-то еще, ты скажешь им оставить нас в покое. Я должен выговориться, поверь, это очень важно.

Я ответил ему прямо: «Слушай, давай так: если мне станет скучно, я не буду дожидаться своих знакомых, а просто встану и уйду. Слушать бред я не намерен.

Мужик лишь усмехнулся: «Это не бред». Он достал из кармана пачку денег, положил её на стол — там было тысяч пятьсот, не меньше — и добавил: «Видишь это? Для меня это уже ничего не значит. Забирай, мне плевать. У меня есть

ещё, но и они для меня — ничто, потому что завтра моя жизнь всё равно закончится.

После такого жеста мне стало по-настоящему интересно, что он хочет сказать. Деньги я не взял: я почувствовал, что он не лжёт и действительно хочет поделиться чем-то важным. Я кивнул: «Говорите. Я вас внимательно слушаю.

Мужик глубоко вздохнул и начал: — Слушай внимательно и не удивляйся. Меня зовут Игнат Разин. Мне пятьдесят семь, и больше 20 лет я проработал в морге. За эти годы я повидал столько мертвецов, что, кажется, в самом аду их меньше. Я ежедневно вдыхал этот запах. Ко мне попадали все: молодые и старые, бедняки и богачи. Но все они были людьми.

У каждого из них когда-то было детство, школа, работа. Они держали в руках деньги, слушали музыку, читали книги и газеты, смотрели по телевизору политиков и президентов. У каждого были свои хобби, свои увлечения, своя первая любовь. Но, к сожалению, все они отличались от меня.

Я помню свое детство. Отец работал на заводе, мама — в детском саду. Я был обычным советским школьником, носил пионерский галстук, учился в институте. В моей жизни случалось всякое: скандалы, драки, ошибки... Но я и пред-

ставить не мог, что судьба приведет меня работать в морг.

Дома было беспокойно. Отец часто приходил пьяным и крушил всё вокруг. Он рвал мои книги, бил маму. А если я пытался заступиться, он вытаскивал ремень из своих грязных брюк и порол меня. Он всегда повторял: «Меня пороли, и я буду пороть тебя. Ты мой сын, и я волен делать с тобой что хочу». Я молчал и глотал слезы, искренне веря, что так и должно быть.

Отец умер от почечной недостаточности. Мать долго рыдала, глушила горе горстями таблеток, но сердце не выдержало — она ушла вслед за ним через два года. Моя жизнь покатилась под откос. Меня отправили в интернат, где я впервые попробовал сигареты и алкоголь. Мы слонялись по путям, пили в заброшенных вагонах и строили из себя крутых, но в глубине души я отчаянно тосковал по дому. Жизнь в интернате была суровой: воспитатели морили нас голодом, забирая себе всё лучшее и пируя в своих сытых кабинетах, пока мы смотрели на них голодными глазами.

Тогда всем на всех было наплевать — впрочем, как и сейчас, только раньше это оставалось абсолютно безнаказанным. Воспитатели часто избивали нас за любое неповиновение. У нас даже была комната, напоминающая карцер: туда бросали самых непослушных и морили голодом.

Доходило до чудовищного: вместо воды воспитатели наполняли граненый стакан собственной мочой и заставляли пить. Пока не осушишь его до дна, ни еды, ни нормального питья не давали.

Я часто попадал в этот карцер. Однажды в моей кровати нашли блок сигарет, которые я добывал через посредников. Времена были суровые, приходилось выживать как умел. Когда воспитатели узнали о моем «бизнесе», меня жестоко выпороли и снова бросили в изолятор. На второй день мне принесли тот самый стакан. Но они не знали, что у меня с собой была заточка — я смастерил ее еще тогда, когда мы с ребятами лазили по заброшенным вагонам, и всегда прятал на всякий случай.

Я знал, что рано или поздно окажусь в этом карцере. Я был готов к издевательствам, но они просчитались, когда на второй день принесли мне граненый стакан со своей мочой.

Этим особенно любил промышлять Андрей — наш воспитатель. Мерзкий, тучный, вечно воняющий тип, который находил садистское удовольствие в унижении нас. При этом дома он строил из себя святого: у него был шикарный особняк, двое ухоженных, обласканных детей и жена, которая даже не подозревала, какой монстр живет с ней под одной кры-

шей. Она не знала, что её «замечательный муж» заставляет нас пить мочу и подмешивает червей в еду, чтобы испортить аппетит. Он считал нас отбросами, недостойными человеческого отношения, в то время как своих детей баловал дорогими продуктами и возил на лучшие курорты. Я часто видел, как он расплывался в приторной улыбке, встречая свою семью, и от этого зрелища меня выворачивало наизнанку.

В тот день в карцере он снова пришел поиздеваться. Он плевал в мою еду, заставляя пить эту гадость, а у меня не было выбора — я был сломлен и истощен.

Но в моей руке была заточка. Я ждал момента, когда он подойдет достаточно близко. И этот момент настал. Когда он наклонился, я рванулся вперед, но сил почти не осталось — рука дрогнула. Андрей мгновенно среагировал, перехватил мое запястье и скрутил меня. Тут же подбежали его прихвостни.

Они повалили меня на пол, и Андрей начал методично втапывать мое лицо в бетон своими грязными ботинками. Он бил ногами по голове, пока на моем лице не осталось живого места. Вся кожа превратилась в кровавое месиво, покрытое четкими отпечатками его подошв.

Он бил меня и кричал одновременно: «Ты сын собаки, ты сын проститутки, ты никто! Я могу убить тебя, а могу оста-

вить жить!» В конце он взял плоскогубцы, открыл мне рот и вырвал зуб с корнем. Даже его подручные и приспешники пытались остановить его: «Андрей, хватит! Ты его убьёшь, потом нас всех посадят и спросят за это!» Андрей, тяжело дыша и стоя с плоскогубцами и моим вырванным зубом в руке, бросил зуб в меня и приказал своим слугам: «Унесите эту собаку в лечебную койку.

Около недели я питался через трубочку — всё тело было сломано, но я оставался в сознании. Я прекрасно понимал, как я приду в себя и как мои синяки пройдут, что бы их не заметила пока комиссия и инспекция этот ублюдок Андрей со своими подручными не даст мне жить здесь, пока однажды не убьёт. Ко мне часто приходили соседи из интерната и говорили: «Андрей тебя убьёт, он не оставит тебя в покое. По всему интернату распространился слух, что я лежу и лечусь, и весь интернат стал ещё более запуганными, ведя себя тише воды, ниже травы. Мне нужно было искать выход и разрабатывать план побега, потому что интернат означал для меня неминуемую гибель — рано или поздно.

В этот момент мужчина прервал свой рассказ. Мои знакомые подошли и сказали: «Ну что, пошли отсюда? Мы нормально выпили, здесь больше ловить нечего. Пойдем искать другой бар.

Да, ребята, вы идите, а я пока поговорю тут с мужиком —

ответил я.

Ребята всё поняли, но спросили: «А это кто такой с тобой сидит?»

«Да только познакомились, начали общаться», — ответил я. — «У нас просто очень интересная беседа. Так что, если что, я буду в этом баре».

Ну хорошо“, — ответили ребята. — „Если что, на связи и ушли.

Мужчина улыбнулся и продолжил свой рассказ. Я же лежал в интернате, в специальной палате, где меня «лечили». Но я прекрасно понимал, что моему спасению ничто не поможет. Андрей, воспитатель, не давал мне покоя. Рано или поздно он бы меня уничтожил. Что ему стоит вывести такого, как я, в лес или убить, а потом выбросить в какую-нибудь платформу? Да ничего. Он же прирожденный садист, черт его побрал, сукин сын! Мне нужно было искать выход. Среди ребят, которые приходили меня навещать, был Фил — темнокожий парень, от которого отказались родители и бросили на произвол судьбы. Именно его я попросил собрать мою одежду, сложить в мешок для мусора и оставить недалеко от заброшенных вагонов. Он обещал выполнить. Почему Фил? Потому что я ему доверял.

Если он говорил, он делал. К тому же, за ним никогда не

было подлых поступков. Поэтому я был уверен: сегодня, когда он пойдет выбрасывать мусор, он оставит мешок недалеко от заброшенных вагонов, у самого известного нам красного вагона. Я понимал, что медлить нельзя. Я должен был бежать из этого ада сегодня же. К тому же, кто-то мог проболтаться о моем побеге.

Фил часто оказывал мне помощь, а я, в свою очередь, регулярно угощал его сигаретами. У него было необычное хобби — вдыхать клей. Несмотря на это, мы всегда находили общий язык и темы для разговоров. Я любил подшучивать над ним, говоря, что его оставил аист, прилетевший из Африки. В целом, наше общение складывалось очень хорошо. Я даже пообещал ему, что, когда моя жизнь наладится, я позвоню в интернат, чтобы связаться с ним и рассказать о своих успехах. Фил согласился, сказал, что будет ждать, и попросил не забывать о нем.

Ровно в 9 вечера Фил должен был вынести мусор и оставить мои вещи у красного вагона. На всё про всё у него было полчаса. Отбой в интернате — в 10:30. Дежурные, получив команду, обычно погружались в просмотр дурацких телешоу на своих маленьких телевизорах. Значит, мне нужно было бежать около полуночи.

Но как? Выйдя в коридор, меня бы точно заметили. Поэтому, находясь на втором этаже, я сплёл из одеял и просты-

ней канат. По нему я должен был спуститься вниз, перелезть через забор и добраться до заброшенных вагонов.

Вот так и начинался мой побег из интерната. Дежурных на улице не было. Я выглянул в окно — пора действовать. Сплета, как и планировал, канат из простыней и одеял, я бросил его через окно, привязав к батарее. С горем пополам я спустился босыми ногами на землю. С собой взял только спички.

Приземлившись, я осмотрелся. Никто ли не смотрит? Я внимательно изучал окна, ведь и оттуда меня могли заметить. Убедившись в полной тишине и отсутствии свидетелей, я направился к железному забору. Перепрыгнув через него, немного испачкав пижаму, я босиком двинулся к заброшенным вагонам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.